

УДК 81'373.23:39(=161.1)(470.53)
ББК 63.5(2Рос—4Пер)

НАРОДНАЯ ТЕРМИНОЛОГИЯ СТАРООБРЯДЧЕСКИХ СОГЛАСИЙ В РУССКИХ ТРАДИЦИЯХ ПРИКАМЬЯ: БЕГУНЫ (СТРАННИКИ)¹

АЛЕКСАНДР ВАСИЛЬЕВИЧ ЧЕРНЫХ

(Пермский федеральный исследовательский центр Уральского отделения
Российской академии наук: Российская Федерация, 614990, г. Пермь, ул. Ленина, 13а)

***Аннотация.** В статье на основе архивных и полевых материалов рассматриваются особенности народной терминологии, связанной с обозначением старообрядцев страннического согласия в русских традициях Пермского Прикамья. Изучению терминологии предшествует исторический экскурс, раскрывающий особенности распространения страннического согласия в регионе, характер и специфику его расселения в разных районах Пермского края. При изучении конфессионимов рассматриваются как «внутренние» определения представителей согласия, так и номинации согласия, бытующие у конфессиональных соседей. В исследовании определено, что на территории Пермского Прикамья бытовала многочисленная и разнообразная терминология для обозначения страннического согласия у их конфессиональных соседей, представителей как православного, так и старообрядческого населения разных согласий. Особенности формирования, связи с теми или иными центрами в Пермском Прикамье повлияли и на бытование в том или ином ареале тех или иных номинаций. В юго-западных районах частотным и фиксируемым повсеместно явился термин «голбешники», территория бытования которого распространяется и на сопредельные районы Удмуртской Республики. На большей части территории Пермского Прикамья, прежде всего в Среднем Прикамье, чаще всего для обозначения согласия использовался термин «красноверы». Бытование данных конфессионимов было характерно для тех территорий, в которых сформировался сложный конфессиональный состав населения, а старообрядцы страннического согласия были расселены дисперсно. Для территории верховьев Колвы, где последователи согласия составляли значительное число населения, а район географически был достаточно изолированным, особой терминологии, данной соседним населением, не сложилось. Более десяти других номинаций, фиксируемых в диалектной речи и письменных источниках не имеют чёткого ареала распространения и отмечены, как правило, в единичных записях. Термины, использованные соседним населением для обозначения старообрядцев-странников, этимологически связаны с целым комплексом мифологических и фольклорных представлений о данном согласии.*

***Ключевые слова:** старообрядцы-странники, бегуны, история страннического согласия, народная терминология, Пермское Прикамье.*

¹ Исследование выполнено в рамках гранта РФФИ 17-31-00008 «Этнокультурное пространство Урала: идентичность, культура, взаимодействие».

ИЗ ИСТОРИИ РАСПРОСТРАНЕНИЯ СТРАННИЧЕСКОГО СОГЛАСИЯ В ПЕРМСКОМ ПРИКАМЬЕ

Исследование традиционной культуры и говоров русского населения Пермского Прикамья невозможно без учёта особенностей его конфессионального состава. Наряду с православным населением, приверженцами официальной православной церкви, в регионе было многочисленно и старообрядческое население, представленное разными согласиями. Мозаичность и сложность конфессионального состава обусловила не только межконфессиональный диалог и полемику, комплекс представлений и лексику, связанную с конфессиональными соседями и особенностями их культуры, но и бытование в регионе развитой и разнообразной народной терминологии, обозначающей как принадлежность к официальной православной церкви, так и обозначение разных согласий старообрядцев.

Среди многочисленных старообрядческих согласий заметно выделяется бегунское или странническое согласие, бегуны или странники, составлявшие одну из групп старообрядческого населения Пермского Прикамья. Представлявшие одно из радикальных старообрядческих течений, заметно отличающееся по догматике от основных для региона согласий, странники не только были заметны на конфессиональной карте региона, но и обусловили формирование целой группы народных названий данного согласия и целый комплекс представлений, связанных с ним у конфессиональных соседей.

В настоящей статье будут проанализированы лексические единицы, употребляющиеся для обозначения приверженцев бегунского (страннического) согласия, бытующие в русской диалектной речи Пермского Прикамья, а также комплекс представлений о согласии, который и послужил основой для формирования названной терминологии. В основу настоящей работы положены материалы полевых исследований автора в разных районах Пермского Прикамья, как у православного населения, приверженцев официального православия, так и среди разных согласий старообрядческого населения. Дополнительными материалами стали лексические единицы, обозначающие принадлежность к вере, извлечённые из словарей диалектной лексики региона, а также из документальных источников и исследовательской литературы.

Странники (бегуны) — одно из согласий старообрядцев-беспоповцев, сформировавшееся как течение во второй половине XVIII в. Большинство исследователей относят возникновение согласия к концу XVIII в. и связывают с именем Евфимия, принявшего монашеский постриг от староверов филипповского согласия [Дутчак 1994]. Исследователь старообрядцев-странников А. И. Мальцев отмечает, что странническое согласие выделяется из филипповского в конце 1765 или 1766 г. [Мальцев 2006, 436]. Однако о ранней истории странников до сих пор есть разные исследовательские мнения как о времени возникновения согласия, так и о его основателе, о конкретном беспоповском согласии, из которого выделились странники [Старообрядчество 1996, 42–43].

В Пермском Прикамье, в западных уездах Пермской губернии активное и массовое проникновение страннического учения происходит лишь в конце XIX — начале XX в. Мы не располагаем сведениями о более ранних свидетельствах широкого распространения страннического согласия в этом регионе, однако в отчётах епархиальных миссионеров и священников встречаются сведения о странниках и в более ранний период, во второй половине XIX в. [Шилов 2001, 84]. На рубеже XIX — XX вв. центром странничества в западной части Пермской губернии становится Пермский уезд и село Ильинское. Характеризуя распространение этого согласия в Пермском уезде, епархиальные миссионеры отмечали: «Странничество в уезде появилось не более 10–15 лет, но и за это короткое время оно сумело разбросаться по всему уезду. Первоначальное ядро странников составилось из поморцев, потом усилилось за счёт чашовенных и теперь всё более растёт и развивается. В Усть-Гаревском приходе в эту секту перешли даже несколько православных... Странники уезда принадлежат к статейникам или иерархитам. Так называются странники, принявшие статьи (устав в 84 статьи) Никиты Семёнова, главного пропагандиста странничества. Центр странничества — село Ильинское, где у них есть моленная, а также устроено несколько пристанодержательств.

Всё общество странников разделяется на две части: на действительных, принявших крещение, которые скрываются и бегают, и жилых, которые живут в обществе на существующем гражданском положении, исполняя по отношению к своим собратьям разного рода обязанности и поручения» [Морозов 1907, 134–135].

В Пермском уезде странничество кроме с. Ильинского распространяется и в другие сёла, деревни и заводские посёлки. Ещё одним центром в Пермском уезде становится Курашимский завод. По сведению православных священников и миссионеров, странничество в заводском посёлке также появляется в 1890-е гг.: «Странничество стало распространяться здесь только в недавнее время, когда сюда приезжали странники из Ярославля и Саратова, распространяются они за счёт часовенных...» [Из Курашимской волости 1903, 476]. Согласно других свидетельств, странники также активизируют свою деятельность в Курашимском заводе в начале XX в.: «Бегуны или странники появились у нас очень недавно и однако, несмотря на это, странничество заняло боевую позицию не только по отношению к православию, но и к другим сектам раскола...» [По приходам епархии 1909, 151].

Активное распространение страннического согласия в уезде и губернии связано не только с деятельностью страннических идеологов и миссионеров, но и с переходом в согласие наиболее радикально настроенных лидеров часовенного и поморского старообрядческих согласий. Самым значительным в начале XX в. можно считать присоединение к странническому согласию начётчика часовенных с. Ильинского Пермского уезда — В. И. Рукавицына, сыгравшего важную роль в распространении согласия как в Пермском, так и в других уездах Пермской губернии [Боровик 2003, 264–270].

О количественном росте странников в Пермском уезде в начале XX в. свидетельствуют и данные православных священников и миссионеров. Так, если по данным 1906 г. численность странников в Пермском уезде оценивалась в 380 человек, «180 человек мужского и 200 женского» [Морозов 1907, 131], то в 1914 г. только в округе села Ильинского посчитано 118 дворов странников с 10 молеельными домами [Куляшов 1914, 730–732].

Кроме центрального Пермского уезда губернии, странничество, как отмечают авторы Пермских епархиальных ведомостей, активно распространялось и в других уездах губернии: «А между тем пропаганда их весьма сильна и опасна, они ведут её в четырёх уездах — в Оханском, Осинском, Пермском и Красноуфимском» [Старообрядчество и сектантство 1909, 273].

Кроме названных уездов, значительный центр страннического согласия складывается в начале XX в. Чердынском уезде, прежде всего, в верховьях Колвы. История и традиции старообрядцев этого региона, благодаря исследованиям археологов и этнографов, получили достаточное освещение в научной литературе [Чагин 1998, 258–272, Сморгунова 2008, 359–365]. Остановимся лишь на ключевых моментах распространения страннического согласия в данном районе. Территория верховьев Колвы исторически была связана с поморским старообрядческим согласием, хотя полемика разных старообрядческих согласий также была сильна в этом районе. Уже во второй половине XIX в. сюда стали проникать идеи страннического согласия [Чагин 2002, 296–297, 300–301], однако наиболее активное распространение странников приходится на начало XX в. После ожидаемого и не состоявшегося в 1912 г. конца света накал полемики об истинности веры привёл к широкому распространению бегунства среди местного старообрядческого населения под влиянием уже сформировавшегося в тот период центра странников в селе Ильинском Пермского уезда [Чагин 2002, 304–306]. Как отмечает исследователь этого региона Г. Н. Чагин: «Признание страннического учения на верхней Колве и Печоре завершилось созданием большой общины с мужскими и женскими кельями, со своей иерархией и уставом, запрещавшим жить в пустынях. Она получила название «Чердынское братство истинно православных христиан» [Чагин 2002, 306]. О значительном и массовом распространении страннического согласия в деревнях верхнего течения реки Колва свидетельствуют и источники 1920-х гг.: «Есть деревни, где всё поголовно население “странноприимцы”, как, например, деревня Черепанова» [Пушвинцев 1928, 20].

В Чердынском уезде, кроме верховьев р. Колва, странническое согласие распространяется и в других центрах старообрядчества. В частности, в деревне Усть-Уролка, в которой наряду с православными официальной церкви, проживали старообрядцы часовенного согласия, а с 1910-х гг. утвердились и старообрядцы страннического согласия [Подюков 2009, 17–21].

Другой значительной территорией распространения странников стали юго-западные районы современного Пермского края (Чайковский, Куединский, Еловский районы, бывший Осинский уезд Пермской губернии). Появление страннического согласия в этом ареале среди старообрядцев часовенных и беглопоповцев, видимо, происходит на рубеже XIX — начала XX в. Идеологическим и организационным центром бегунов или странников этой территории был г. Сарапул Вятской губернии.

О распространении странников в Сарапульском уезде и смежном Осинском уезде Пермской губернии сохранились такие сведения: «Первым по времени в 1891 г. пропагандистом секты бегунов среди здешних беглопоповцев <Сарапульского уезда> явился выходец из Нижегородской губернии некто Грачёв... С другой стороны, лжеучение секты бегунов начало прививаться около 1894 года в самом городе Сарапуле среди беглопоповцев, не имевших священника около 9 лет. Распространителем этой секты явился здесь некий старик из Казани, по имени Савелий... В Сарапуле был устроен в доме скит, в котором под руководством дедушки Савелия происходили тайные собрания. На собрания эти являлись даже старообрядцы из-за Камы, из Пермской губернии... Из Сарапула, благодаря Савелию, учение бегунов распространилось за Камой, в Пермской губернии, а оттуда, зарывши многие селения, опять перешло в Сарапульский уезд...» [ГАПК Ф. 680. Оп. 1. Д. 217. Л. 7(об)-8].

В исследовательской литературе высказана и другая точка зрения относительно распространения странничества в Пермской губернии и соседних районах Вятской: «Странничество получило наибольшее распространение в Среднем Поволжье и на Урале, в частности, в Пермской губернии. Именно оттуда первые бегуны проникли на территорию Сарапульского

уезда Пермской губернии» [Машковцев 2000, 131–141]. Однако, с нашей точки зрения, «сарапульская» версия выглядит более убедительной. Сельские юго-западные территории Осинского уезда Пермской губернии не только исторически тяготеют к Сарапульскому уезду Вятской губернии, но и старообрядцы других согласий поддерживали связи и находились под влиянием лидеров Сарапульского уезда.

О распространении странничества в Осинском уезде только в конце XIX в. свидетельствуют и православные священники. Священник с. Верх-Сава Савинской волости в 1897 г. так характеризовал появление странников в Савинском приходе: «За последнее время начала оказываться здесь другая секта беспоповщинская — бегуны, или странники, но последователей её крайне немного, и считаются они единицами» [Пономарёв 1897, 115].

Таким образом, на территории Пермского Прикамья сформировалось несколько ареалов распространения старообрядцев страннического согласия. Одним из самых значительных следует считать район верхней Колвы в Чердынском уезде, в других территориях — юго-западных районах Пермского Прикамья (Осинский уезд), Обвинском поречье (с. Ильинское, Пермский уезд), д. Усть-Уролка Чердынского уезда представляли страннического согласия проживали дисперсно, наряду с другими старообрядческими согласиями. Распространение странников происходило в тех районах, где традиционно проживало старообрядческое население и сильны были традиции часовенного и поморского согласий.

Активное распространение страннического согласия в целом в регионе приходится на период конца XIX — начала XX вв. Однако его угасание в разных районах в советский и постсоветский период происходило по-разному. Так, в юго-западных районах Пермского Прикамья, согласно материалам полевых исследований, странническое согласие было активно до 1930-х гг., когда ещё в деревнях сохранялись дома странноприимцев, в которых проживали те, «кто порвал с миром». В конце 1920–30-х гг., в период коллективизации, раскулачивания и антирелигиозной кампании, значительная часть приверженцев согласия добровольно переселилась в Сибирь, часть была

выслана принудительно, в сёлах и деревнях остались лишь отдельные представители данного согласия. С 1950-х гг. странническое согласие уже полностью исчезает с конфессиональной карты в этой части региона. Быстрое размывание старообрядческого согласия на этой территории связано с дисперсностью расселения его приверженцев и сохранения ситуации, когда большая часть населения оставалась приверженцами других старообрядческих согласий, прежде всего часовенного, белокрыницкого, а в некоторых деревнях и поморского.

В Обвинском поречье история страннического согласия в советский период не исследована. Полевые материалы, собранные в Краснокамском, Ильинском, Верещагинском районах также свидетельствуют об активности странников в первой половине XX в., до 1930-х гг., и загущении согласия в послевоенный период. Действующих общин в настоящий период на этой территории не выявлено.

Наоборот, в бывшем Чердынском уезде (сегодня территория расселения представителей страннического согласия в этом уезде относится к Чердынскому району Пермского края) вплоть до недавнего времени не только сохранялись общины бегунов, но и проходила активная конфессиональная жизнь. В д. Усть-Уролка в 2000-е гг. община была небольшой, на праздничные чтения Псалтыри собиралось 3 человека [Подюков 2009, 22]. В верховьях Колвы вплоть до 1990-х гг. не только была активна конфессиональная жизнь, но и в нескольких деревнях сохранялись «кели» инокинь чердынского братства бегунов [Сморгунова 2001, 88–89]. В 2002 г., когда мы проводили полевые исследования в том районе, кели были заброшены, в д. Черепаново проживало несколько старушек, крестивших себя и ушедших от мирской жизни.

Как видим, в настоящее время бегуны или странники почти незаметны на конфессиональной карте Прикамья. В большинстве бывших старообрядческих центров странников сегодня уже нет представителей этого согласия.

ВНУТРЕННИЕ КОНФЕССИОНИМЫ

К сожалению, данное старообрядческое согласие почти исчезло с конфессиональной карты региона, поэтому достаточно

сложно реконструировать полную картину народной конфессиональной самоидентификации бегунов-странников. Отдельные его приверженцы живут сегодня на верхней Колве и в д. Усть-Уролка в Чердынском районе Пермского края. Полевые исследования на верхней Колве в 2002 г. позволили выявить бытование ряда «внутренних» конфессионимов у потомков старообрядцев страннического согласия. В настоящее время актуальной остаётся лишь номинация *староверы*, *старая вера* для обозначения конфессиональной принадлежности: «*Староверы у нас в деревне были, келья была*» (Комарово Черд.); «*Все староверы в деревне, я тоже в Бога верую по-староверски*» (Тиминская Черд.); «*Старая вера у родителей была*» (Черепаново Черд.); «*Староверов тут уже нет, все померли... Старая вера в Дие была. Сейчас никто не молится, никто не крестит...*» (Черепаново Черд.). Отчасти внутренние конфессионимы странников реконструируются по другим, прежде всего письменным и литературным источникам, среди которых известны номинации: *христиане*, *истинные православные христиане* [Подюков 2009, 22], *истинно православные христиане*, *христианы веры православной* [Сморгунова 2001, 99, 106], «*мы истинно православные христиане*» [Сморгунова 2008, 359].

НАРОДНАЯ ТЕРМИНОЛОГИЯ СТРАННИЧЕСКОГО СОГЛАСИЯ, БЫТУЮЩАЯ У КОНФЕССИОНАЛЬНЫХ СОСЕДЕЙ

На примере данного старообрядческого согласия наиболее наглядно прослеживается бытование внешних конфессионимов, бытующих у конфессиональных соседей: как у старообрядцев разных согласий, так и сторонников официальной православной церкви. Дисперсное расселение странников во многих территориях Пермского Прикамья обусловило широкое бытование в пермских говорах лексики, связанной с наименованием данного старообрядческого согласия.

Странники представляли одно из радикальных течений старообрядчества региона, существенно отличавшегося по своей догматике от других. Представление о воцарении в мире антихриста (под которым понималось государство и общество), необходимость побега из «мира

Антихриста» [Мальцев 2006, 437–441], крещение «перед смертью», уход из мира после крещения, разделение общины на странников и странноприимцев, видимо, явились основой для мифологизации представлений о данном согласии, что нашло отражение и в бытовавших конфессионимах. С другой стороны, важным было и проведение конфессиональной границы между старообрядческими согласиями, основанной на оппозиции «свои» — «чужие», что также проявилось в терминологии. Большая часть внешних конфессионимов фиксируется в регионе в тех территориях, где странники проживали в иноконфессиональном окружении. В верховьях Колвы, где конфессиональная принадлежность населения в деревнях была более однородной, не фиксируется их активного бытования.

В бытовании в Пермском Прикамье разных наименований данного согласия старообрядчества фиксируются чёткие ареалы распространения. В юго-западном Прикамье (территория бывшего Осинского уезда) бегунов или странников устойчиво именовали *голбешниками*, *голбечниками*, *голбинцами*, *голбешными староверами*, а веру — *голбешной*, *голбешной верой*. В других территориях Прикамья данный термин не фиксируется. В то же время отмечено его бытование в соседних южных уездах Вятской губернии.

ГОЛБЕШНАЯ ВЕРА. Слыхала, что голбешная вера есть. Видно, ребятишек в голбце крестят... (Каменный Ключ Чайк.);

ГОЛБЕШНЫЕ СТАРОВЕРЫ, ГОЛБИШНЫЕ СТАРОВЕРЫ. Мн. В Еламбуре какие-то голбешные староверы, в голбце видно молятся. Они сами по себе. (Фёдоровск Куед.); Староверы были в Новой Куеде, в Софьино, а вот голбешных староверов я не помню, чтобы здесь были, они по другим деревням (Елмабуь Куед.).

ГОЛБЕШНИК. У нас девушка была, со мной одногодка, она за голбешника замуж вышла, староверка. Ладно, ребёночек родился. А пришла свекровь, она ребёночка снарядила, положила на лавочку. Они Богу хотели отдать. Она соскочила, да на ребёнка крест надела, ребёнка не унесла. Она ребёнка взяла и от них убежала... (Вассята Чайк.);

ГОЛБЕШНИКИ, ГОЛБИШНИКИ, ГОЛБЕЧНИКИ. Мн. Я у голбешников в няньках

жила, в Чумне. Там у их странки жили в голбце, у хозяев. На работу не ходили, всё у них в голбце уделано, иконы, свечи. Они все молились, они каждый день молились, хозяева не ходили к ним молиться. Мужиков не было, только женщины, странки... (Лукинцы Чайк.); Староверы были, голбешники. Они молятся не так... (Оралки Чайк.); Голбешники оне семьёй жили. При них странки были — монашки. Девка от матери уйдёт к ним, как в церковь придёт, на людях они не показываются. В голбцах эти странки и живут... (Уральское Чайк.); Нас голбешниками пугали. Нам говорили: если голбешники зовут, не ходите. У их если человек болеет тяжело, при смерти уже, на него сорок вёдер воды выливали. Если он выживет, то его никто не видит. Их в леса. В Сибирь к своим. А умер, дак ночью, видимо, хоронили... (Ольховка Чайк.); Голбешники для себя только робили. Днём не работали. Скрывались в голбцах, наверное. По ночам для себя работали. Вера это у их такая. Под ночь все с поля едут, а они на поле... (Нижний Тымбай Куед.). Голбешники были. У них вера другая была. Голбешники — такие же люди, только вера другая (Ольховка Чайк.); Голбешники молились в подполе. У нас семья голбешников была, так её однажды взяли ночью, да вывезли. Нас ими пугали, а почему — не знаю. Голбешники — это не староверы, это другая вера. Вот у них если человек заболевает — на него 40 вёдер воды выливали (Ваньки Чайк.); Челдоны, кержане, здесь даже голбешники были, они по ночам работали (Кашка Куед.). Были какие-то голбешники, в голбце молились, из дому только ночью выходили. Бают, и покойников ночью хоронили, либо в огороде, но чтоб никто не видел (Дуброво Елов.); Голбешники боялись народу, не казались, молились в голбце (Большой Букор Чайк.).

ГОЛБИНЦЫ. Мн. Кроме староверов то у нас голбинцы были, молились в голбце (Фоки Чайк.);

ГОЛБЕННИКИ. Мн. Голбенники, они и крест не так делали. Ели они из своей посуды, на покосе пили из своих туесков... (Сосново Чайк.).

Этот термин народная этимология связывает с достаточно мифологизированными представлениями о тайных молениях бегунов в голбцах-подпольях: «Такие же люди, в голбцах скрывались всё время.

В голбцах молились...» (Нижний Тымбай Куед.), *Голбешники молились в подполе.* (Ваньки Чайк.); *Кроме староверов-то у нас голбинцы были, в голбцах молились* (Фоки Чайк.). Существовали и некоторые иные объяснения этого названия: *«Слышала, что голбешина вера есть. Видно, ребятишек в голбце крестят...»* (Каменный Ключ Чайк.).

Номинация «голбец» в пермских говорах, в том числе, в названных районах юго-западного Прикамья обычно и устойчиво обозначает пространство в нижней части избы, под полом, подполье [Словарь 2010, 186–187]. В записанных рассказах в юго-западных районах Прикамья связь голбца со странническим согласием обусловлена и реальной практикой устройства моленных в нижнем полуподвальном или подвальном этаже, «в голбцах», отмечаемых очевидцами, что также подкрепляло бытование данного термина для обозначения согласия: *«Я у голбешников в няньках жила, в Чумне. Там у их странки жили в голбце, у хозяев. На работу не ходили, всё у них в голбце уделано, иконы, свечи. Они все молились, они каждый день молились, хозяева не ходили к ним молиться. Мужиков не было, только женщины, странки...»* (Лукинцы Чайк.).

Термину *голбешники* в смысловом значении близко и ещё одно название, известное в этом районе: *подпольщики*, также отмеченное в варианте *подпольники* в письменных источниках в других районах Прикамья [С. А. Ж. 1903, 151].

ПОДПОЛЬЩИКИ. Мн. Термин известен в единичной записи. *Здесь в Талмазе дырошники были и подпольщики. Подпольщики молились только в голбце... Веры разные, а Бог один* (Малый Талмаз Куед.).

Номинация «подпольники» была распространена для обозначения согласия в районах Среднего Поволжья [Агеева 1998, 153–154]. В этих районах термин «голбец» не бытовал для обозначения подполья. Происхождение этого термина также в историографии согласия связывают с подпольем: «от сокрытия и тайного жительства в подпольях» [Агеева 1998, 155]. Распространение конфессионима «голбешники» в юго-западных районах Пермского Прикамья следует соотносить с номинацией «подпольники», распространённой в Среднем Поволжье, так как исторически и этнографически данный

район Прикамья имел прямые связи с районами Поволжья [Черных 1998, 39–113; Черных 2001, 134]. Этимология данных номинаций согласия соотнесена с подпольем, и, скорее всего, обусловлена всем комплексом представлений — устройством келий для странников в подполье, проведением молен в подполье, крещением, совершаемом в подполье, — а не одним из перечисленных явлений, известных в народных текстах о странниках.

Ещё одной номинацией, соотносимой с бегунами на территории юго-западного Прикамья, следует считать термин *белые, беловеры, беловерцы, белая вера*. Однако использование данного термина неустойчиво, в одних случаях он связан со странническим согласием старообрядцев, в других случаях так обозначают старообрядцев поморского либо других старообрядческих согласий. Название *беловеры* чаще всего объясняют тем, что на моления они приходили в белых одеждах. В основу номинации положен цветовой принцип, что является достаточно распространённым явлением при образовании народных наименований старообрядческих согласий (ср.: красная вера, зелёная вера).

БЕЛОВЕРЫ. Мн. *Беловеры ни с кем не кормили детей, каждый в отдельной чашке, и сами так же* (Гаревая Чайк.); *В тысяча девятьсот двадцать восьмом году здесь ещё беловеры жили. Не признавали других староверов* (Кашка Куед.); *Просто у нас староверы были. Я слышала, какие-то голбешники были, беловеры какие-то были* (Сосново Чайк.). *В Кустах [название деревни] беловеры раньше детей в жертву приносили* (Пантелеевка Куед.).

БЕЛОВЕРЦЫ. Мн. *Большинство у нас православные, но есть и беловерцы. Они сильнее староверов* (Пантелеевка Куед.).

БЕЛЫЕ. Мн. *Мы не поморы и не белые, не белой веры, просто староверы* (Китрюм Куед.).

БЕЛАЯ ВЕРА. *Мы не поморы и не белые, не белой веры, просто староверы* (Китрюм Куед.).

При изучении народной лексики старообрядческих согласий и фиксируемых конфессионимов следует учитывать условность и сложность соотнесения того или иного термина с конкретным старообрядческим согласием. Так, для значительной части информантов, особенно из среды православного населения,

сторонников официальной церкви, слабо осведомлённых о существующей разнице между старообрядческими согласиями, бытование того или иного термина не подкреплено знаниями особенностей их представлений и ритуальной практики. Только использование данного материала в контексте этнографических и конфессиональных реалий того или иного района позволяет соотнести основные конфессии с тем или иным согласием. Однако в ряде случаев это затруднено, и в полевых записях имеется обширное число разных терминов, не соотнесённых с той или иной конфессиональной группой.

На территории Среднего и Северного Прикамья (Краснокамский, Верещагинский, Пермский, Ильинский, Чердынский и др. районы) для обозначения старообрядцев страннического согласия чаще всего использовали термины *красная вера, красноверы, красноверцы*. В основе номинации также использована семантика цвета. Народная этимология связывает происхождение терминов с будто бы имевшим место у странников обычаем причащения кровью: *«У нас девушка была, со мной одногодка, она за голбешника замуж вышла, староверка. Ладно, ребёночек родился. А пришла свекровь, она ребёночка снарядила, положила на лавочку. Они Богу хотели отдать. Она соскочила, да на ребёнка крест надела, ребёнка не унесли. Она ребёнка взяла и от них убежала...»* (Васьята Чайк.); *«У них вера была причащаться живой кровью. Им надо труп и колоть его. И это раз в году у них так»* (Нижний Тымбай Куед.); *«Пили, пили. Детску кровь пили. Паренёк идёт ночью по улице, возмут и убьют, кровь выпьют. И женщин убивали. Было это в Узьре...»* (Нижний Тымбай Куед.). Сегодня достаточно сложно говорить о достоверности этой информации, скорее всего, она связана с мифологическими представлениями о данной согласии старообрядцев.

Другим мотивом в текстах о «красноверах» является мотив очищения «красным» огнём на Пасху: *«У них, у красноверов на Пасху три дела делали: огонь пускали, кровью причащались и ещё одно что-то, но забыла»* (Ананичи Краснок.).

Третьим устойчивым мотивом текстов о голбешниках и красноверах является мотив «красной смерти», после чего человек покидает «этот мир», тайно

уезжает в Сибирь, его убивают или хоронят заживо. Появление и бытование этого мотива, видимо, связано с реально практиковавшимся у бегунов крещением перед смертью или перед оставлением светской жизни и уходом «в кельи»: *«Нас голбешниками пугали. Нам говорили: если голбешники зовут, не ходите. У их если человек болеет тяжело, при смерти уже, на него сорок вёдер воды выливали. Если он выживет, то его никто не видит. Их в леса. В Сибирь к своим. А умер, дак ночью, видимо, хоронили...»* (Ваньки Чайк.). *«Голбешники были. У них если человек заболел — они его перекрещивают. Кадку воды наливают и обливают. И он исчезает. Они его закапывают, где никто не ходит, чтоб никто не видел и не слышал. Петух спойт, собака злает, пока копают, дак они могилу кидают, другую роют...»* (Уральское Чайк.).

С мотивами «красной смерти» связаны ещё два наименования представителей данного согласия, отмеченные в отчётах православных миссионеров начала XX в. — *красносмертные* и *красноподушечные*: *«У народа они известны как последователи красной смерти — красносмертные или красноподушечные»* [Морозов 1903, 61]. Номинацию *красноподушечные* для обозначения странников также можно прокомментировать примерами из текстов, в которых устойчив мотив удушения подушкой стариков у данного согласия: *«Красная вера, я слыхала, мама рассказывала, постарел, кладут подушку и душат, если немогутный стал»* (Кривчана Верещ.); *«Красная ещё отдельно какая-то вера была. Это при мне не было ничё, а до меня всё говорили, что они, если старьёй человек будет, подушку кладут и душат его»* (Курашим Перм.).

КРАСНАЯ ВЕРА. Она богомолка, в красной вере. (Кленовка Б.-Сосн.); *Я знаю, в моленну ходили кержаки, красная вера ещё есть* (Курашим Пермск.); *У нас были здесь раньше два старика красноверы, красная вера у них, но они не здешние были, а приехали* (Кривчана Верещ.); *Красная вера, я слыхала, но у нас не было. Мама рассказывала. Постарел, кладут подушку и душат, если он немогутный стал* (Сепыч Верещ.).

КРАСНОВЕРЫ. Мн. *У нас здесь были раньше два старика красноверы, красная вера у них* (Кривчана Верещ.).

КРАСНОВЕРЦЫ. *Есть красноверцы, но мы с ними никогда не встречались (Чуды Верещ.); Рядом с нами красноверцы жили, в гости не ходили, с нами не молились. Не знаю потому их, а относились к нам хорошо. Из наших девок и парней никто к ним не присоединился (Козьмодемьянское Караг.).*

КРАСНОСМЕРТНЫЕ. Мн. Известен по опубликованным источникам. «Народная молва то общество, в которое перешёл Рукавицын, называет последователями секты «странников», «подпольников», «красносмертными» и «красноподушечными» [С. А. Ж. 1903, 151]; «У народа они известны как последователи красной смерти — красносмертные или красноподушечные» [Морозов 1903, 61].

КРАСНОПОДУШЕЧНЫЕ. Мн. Известен по опубликованным источникам. «Народная молва то общество, в которое перешёл Рукавицын, называет последователями секты «странников», «подпольников», «красносмертными» и «красноподушечными» [С. А. Ж. 1903, 151]; «У народа они известны как последователи красной смерти — красносмертные или красноподушечные» [Морозов 1903, 61].

При широком и массовом распространении номинаций «голбешники», «беловеры», «красноверы» в разных вариантах, в источниках и полевых материалах обнаруживаются также и другие термины, связанные со старообрядческим согласием бегунов. Однако обычно они фиксируются в отдельных территориях края в единичных записях, либо встречаются в отдельных опубликованных источниках.

В Северном Прикамье и в Суксунском районе известен термин «скрытники», как по полевым материалам, так и по письменным источникам.

СКРЫТНИКИ. *В Молёвке, в Тису не староверы, а скрытники. Там на болоте какой-то похоронен был, перед смертью его водили мыть в пролубь. Говорили: «По белому холсту идёт к самому Христу». Расстилали холст, и он по нему шёл, летом в реку шли. Они скрытники. Вера такая (Березовка Сукс.); Они богу-то молятся в одном доме, скрытники-то (Искор Черд.). Староверы были здесь, в верхах староверы были. Скрытники — уходили сюда за камень скрывались (Большая Гадья Черд.); «Народ именует новых*

последователей этого учения «скрытниками» [Пушвинцев 1928, 19].

Номинация «странники», от которой происходит и официальное название согласия, не фиксировалась в диалектной речи, а в начале XX в. известна как народное название согласия только по письменным публикациям.

СТРАННИКИ. «Народная молва то общество, в которое перешёл Рукавицын, называет последователями секты «странников», «подпольников», «красносмертными» и «красноподушечными» [С. А. Ж. 1903, 151].

В д. Усть-Уролка Чердынского района зафиксирован термин «Пимшина вера» для обозначения названного согласия [Королёва 2016, 7]. Его происхождение связано с именем Пимша, производного от официального Пимен.

ПИМШИНА ВЕРА. *«Он как отшельником потом был, вырыл себе землянку и там жил, за несколько километров вверх от этой реки. Вот эта вера, он её сюда и привёл. У нас её и звали Пимшина вера, не красноверы вот, а “Пимшина вера”, это вот всё старые Пимшины» (Усть-Уролка Черд.) [Королёва 2016, 7].*

В опубликованных источниках встречаем и ещё ряды наименований, бытовавших в Пермском уезде Пермской губернии, под которыми было известно странническое согласие — *ярославское согласие, пустыньники, федоринцы*. Происхождение и этимология номинации *ярославское согласие*, несомненно, соотнесены с Ярославлем, Ярославской губернией — одним из наиболее важных духовных и организационных центров согласия [Старообрядчество 1996, 42–43]. Использование же географического термина в образовании наименований старообрядческих согласий представляется распространённым явлением (см. австрийская вера, московская вера и др.). Термин «пустыньники» происходит, видимо, от идеи и идеалов «жительства в пустынях», провозглашаемых идеологами согласия [Мальцев 1996]. Термин «пустынножители», например, в рукописных памятниках в отношении странников встречается уже во второй половине XVIII в. [Мальцев 2006, 437]. Происхождение номинации «федоринцы» соотнесено с именем Фёдор, однако прямой связи с тем или иным лидером или географическим наименованием данного термина не выявлено.

ПУСТЫ́ННИКИ. «В Пермском уезде они были известны под названием «пустынники», «красноверы», «федоринцы», «ярославское согласие» [Боровик 2003, 261].

ФЕДО́РИНЦЫ. «В Пермском уезде они были известны под названием «пустынники», «красноверы», «федоринцы», «ярославской согласии» [Боровик 2003, 261].

ЯРОСЛА́ВСКОЕ СОГЛАСИЕ. «В Пермском уезде они были известны под названием «пустынники», «красноверы», «федоринцы», «ярославской согласии» [Боровик 2003, 261].

Таким образом, на территории Пермского Прикамья бытовала многочисленная и разнообразная терминология для обозначения страннического согласия и их конфессиональных соседей, представителей как православного, так и старообрядческого населения разных согласий. Особенности формирования, связи с теми или иными центрами в Пермском Прикамье повлияли и на бытование в том или ином ареале тех или иных номинаций. В юго-западных районах частотным и фиксируемым повсеместно явился термин «голбешники», территория

бытования которого распространяется и на сопредельные районы Удмуртской Республики. На большей части территории Пермского Прикамья, прежде всего, в Среднем Прикамье, чаще всего для обозначения согласия использовался термин «красноверы». Бытование данных конфессионалов было характерно для тех территорий, в которых сформировался сложный конфессиональный состав населения, а старообрядцы страннического согласия были расселены дисперсно. Для территории верховьев Колвы, где последователи согласия составляли значительное число населения, а район географически был достаточно изолированным, особой терминологии, данной соседним населением, не сложилось. Более 10 других номинаций, фиксируемых в диалектной речи и письменных источниках, не имеют чёткого ареала распространения и отмечены, как правило, в единичных записях. Термины, использованные соседним населением для обозначения старообрядцев-странников, этимологически связаны с целым комплексом мифологических и фольклорных представлений о данном согласии.

Источники и материалы:

Из Курашимской волости 1903 — Из Курашимской волости Пермского уезда о собеседовании со старообрядцами // ПЕВ. 1903. С. 476.

Куляшов 1914 — Куляшов А. Миссионерский съезд в селе Ильинском // ПЕВ. 1914. №35. С. 730–732.

Морозов 1907 — Морозов В. Краткий очерк состояния раскола старообрядчества и деятельности миссии в пределах Пермского уезда за 1906 г. // Пермские епархиальные ведомости. 1907. №6. С. 88–98; №8. С. 130–138; № 10. С. 185–190.

По приходам епархии 1909 — По приходам епархии: Курашимский завод Пермский уезд // ПЕВ. 1909. С. 151.

Пономарёв 1897 — Пономарёв П. Раскол в пределах Савинского прихода // ПЕВ. 1897. С. 115.

Пушвинцев 1928 — Пушвинцев И. Пустынничество // Чердынский край. 1928. Вып. 3 18–20.

Старообрядчество и сектантство 1909 — Старообрядчество и сектантство // ПЕВ. 1909. С. 273.

Исследования:

Агеева 1998 — Агеева Е. А., Левашенко А. В., Стефанович П. С. Странники-«познамы»

Нижней Волги (по материалам полевых исследований 1995–1997) // Старообрядчество. История. Культура. Современность. М., 1998. С. 153–154.

Боровик 2003 — Боровик Ю. В. «Камень преткновения» и «противогосударственный раскол» (о странниках Пермской губернии в начале XX в.) // Уральский сборник. История. Культура. Религия. Вып. 5. Екатеринбург. 2003. С. 261–272.

Дутчак 1994 — Дутчак Е. Е. Старообрядческое согласие странников (вторая половина XIX — XX в.). Дисс. на соискание учёной степени канд. ист. наук. Томск, 1994. [электронный ресурс]. URL.: <http://starajavera.narod.ru/dutchakStranniki.html> (дата обращения 5.08.2018).

Королёва 2016 — Королёва С. Ю., Беломестнова А. С. «Живёшь ты там одна, к чему?» (из личной переписки уральских старообрядцев-бегунов) // Живая старина. 2016. №4. С. 6–10.

Мальцев 1996 — Мальцев А. И. Староверы-странники в XVIII — первой половине XIX в. Новосибирск: «Сибирский хронограф», 1996. — 268 с.

Мальцев 2006 — Мальцев А. И. Старообрядческие беспоповские согласия в XVIII- начале XIX в.: проблема взаимоотношений. Новосибирск: ИД «Сова», 2006. — 572 с.

Машковцев 2000 — *Машковцев А. А.* Старообрядцы-странники Сарапульского уезда Вятской губернии в конце XIX — начале XX вв. // Старообрядчество: история, культура, современность. М.: Изд. Музея истории и культуры старообрядчества, 2000. С. 131–141.

Словарь 2010 — Словарь русских говоров Южного Прикамья. Вып. 1. (Абалтус — Кычига) / И. А. Подюков, С. М. Поздеева, Е. Н. Свадова, С. В. Хоробрых, А. В. Черных. Пермь: Перм. гос. пед. Ун-т, 2010. — 456 с.

Сморгунова 2001 — *Сморгунова Е. М.* Старец Никита Семёнович и догматика бегунства (по рукописям пермской коллекции МГУ) // Старообрядческий мир Волго-Камья: проблемы комплексного изучения: Материалы научной конференции. Пермь, 2001. С. 87–109.

Сморгунова 2008 — *Сморгунова Е. М.* Духовница магушка Галина // Русские старообрядцы: язык, культура, история. Сб. статей к XIV Международному съезду славистов. М., 2008. С. 359–365.

Старообрядчество 1996 — Старообрядчество. Лица, предметы, события и символы. Опыт энциклопедического словаря. М.: Церковь, 1996. — 317 с.

Чагин 1998 — *Чагин Г. Н.* Старообрядческий мир верховьев Колвы и Печоры в XIX–XX вв. // Уральский сборник. История. Культура. Религия. Вып. 2. К 25-летию Уральской объединенной археографической экспедиции. Екатеринбург, 1998. С. 258–272.

Чагин 2002 — *Чагин Г. Н.* Старообрядческий мир верховьев Колвы и Печоры XIX —

XX вв. // Чагин Г. Н. Этносы и культуры на стыке Европы и Азии. Пермь. 2002. С. 298–312.

Черных 2001 — *Черных А. В.* Старообрядчество южных районов Пермской области в контексте этнокультурной истории // Старообрядческий мир Волго-Камья: Проблемы комплексного изучения. Материалы научной конференции. Пермь, 2001. С. 133–158.

Черных 2015 — *Черных А. В.* Старообрядцы Пермского Прикамья: опыт межконфессионального взаимодействия // Уральский исторический вестник. 2015. № 2 (47). С. 125–132.

Шилов 2001 — *Шилов А. В.* Отчёты о состоянии раскола в Пермской епархии как источник истории старообрядчества (по материалам РГИА) // Старообрядческий мир Волго-Камья: Проблемы комплексного изучения. Материалы научной конференции. Пермь, 2001. С. 79–86.

Используемые сокращения:

ГАПК — Государственный архив Пермского края.

Верещ. — Верещагинский район

Черд. — Чердынский район

Чайк. — Чайковский район

Куед. — Куединский район

Краснок. — Краснокамский район

Пермск. — Пермский район

Б-Сосн. — Большесосновский район

Караг. — Карагайский район

Сукс. — Суксунский район

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

А. В. Черных orcid.org/0000-0002-7670-3912

член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, заведующий сектором этнологических исследований Отдела истории, археологии и этнографии Пермского федерального исследовательского центра УрО РАН: Российская Федерация, 614990, г. Пермь, ул. Ленина, 13а;
e-mail: atschernych@yandex.ru

FOLK TERMINOLOGY OF OLD BELIEVERS' CONSENTS IN THE RUSSIAN TRADITION OF PRIKAMYE: BEGUNY (WANDERERS)

ALEXANDR V. CHERNYKH

(Perm Federal Research Center of the Ural Department of the Russian Academy of Sciences:
13a, Lenin str., Perm, 614990, Russian Federation)

Abstract: Article based on the archive and field materials uncovers peculiarities of the folk terminology connected to the name of wanderers' consent in the Russian tradition of Perm Prikamyie. Historical insight precedes study of terminology and uncovers some features of expansion of wanderers' consent in the region as well as its character and particular characteristics of the resettlement in different regions of Permskii Krai. The research determines that numerous and various terminology was common for Perm Prikamyie to specify wanderers' consent among their confessional neighbors. Diverse living conditions and neighborhood influenced the emergence of different nominations. One of the most common terms in the south-west regions as well as in Udmurt Republic is "golbeshniki". Term "krasnoveryis" is common for the territory of Perm Prikamyie (Srednee Prikamyie). Use of these terms became widespread in the territories with unique population structure. Old Believers of wanderers' consent were settled pointwise. For the territory of Kolva where followers of the consent constituted a majority and the region was quite isolated, no special terminology was formed. More than 10 other nominations recorded in dialect speech and written resources do not have any habitat. Terms used by neighbors to define Old Believers are etymologically connected with complex of mythological and folk beliefs about the consent.

Key words: Old Believers, wanderers, history of wanderers' consents, folk terminology, Perm Prikamyie.

Acknowledgements. The study is prepared according to grant of the Russian Foundation for Basic Research, project No. 17-31-00008 "The ethnocultural space of Urals: identity, culture, interaction".

References

Ageeva E. A., Levashenko A. V., Stefanovich P. S. (1998) Wanderers — "poznamy" of Nizhnii Volga (from materials of field research 1995-1997) // Old Belief. History. Culture. Modernity. Moscow. P. 153-154.

Borovik U. V. (2003) "Stone of pretykanye" and "antigovernmental split" (about wanderers of Perm Guberniya at the beg. of XX) // Uralskii Sbornik. History. Culture. Religion. Vyp. 5. Ekaterinburg. P. 261-272.

Chagin G. N. (1998) Chagin Old Believers' world of Kolva and Pechora XIX — XX // Uralskii Sbornik. History. Culture. Religion. Vyp. 2. Ekaterinburg. P. 258-272.

Chagin G. N. (2002) Old Believers' world of Kolva and Pechora XIX — XX // Chagin G. N. Etnos and culture in Europe and Asia. Perm. P. 298-312.

Chernykh A. V. (2001) Old Belief in the south regions of Perm Oblast in the context of ethnocultural history // Old Believers' world of Wolgo-Kamya: problems of complex study: Materials of scientific conference. Perm. P. 133-158.

Chernykh A. V. (2015) Old Believers of Perm Prikamyie: experience of interchurch interaction // Ural Historical Bulletin. № 2 (47). P. 125-132.

Dictionary of Russian dialects of Yuzhnoe Prikamyie (2010) Issue 1. (Abaltus — Kychiga). Eds: I. A. Podyukov, S. M. Pozdeeva, E. N. Svalova, S. V. Horobryh, A. V. Chernykh. Perm. 456 p.

Dutchak E. E. (1994) Old Believers' consent of wanderers (second half of XIX-XX). Thesis for a Candidate Degree in historical Sciences. Tomsk, 1994. [electronic source]. URL.: <http://starajavera.narod.ru/dutchakStranniki.html> (data obrashcheniya 5.08.2018).

Elder Nikita Semenovich and dogmatics of wandering (from manuscript of Perm collection of MSU) (2001) In: Old Believers' world of Wolgo-Kamya: problems of complex study. Materials of scientific conference. Perm. Pp. 87-109.

Koroleva S. Yu., Belomestnova A. S. (2016) "You do live there alone, why?" (personal correspondence of the Ural Old Believers-Wanderers) // Zhivaya starina. 2016. №4. P. 6-10.

Malcev A. I. (1996) Old Believers-wanderers in XVIII — first half of XIX. Novosibirsk. 268 p.

Malcev A. I. (2006) Old Believers' priestless consents in XVIII- beg. of XIX: problems of relationship. Novosibirsk. 572 p.

Old Belief. Faces, things, events and symbols. Experience of encyclopedic dictionary (1996). Moscow. 317 p.

Shilov A. V. (2001) Reports about split in Perm eparchy as a source of Old Believers' history (adapted from the Russian State Historical Archive) // Old Believers' world of Volgo-Kamsk:

Problems of complex study. Material of scientific conference. Perm. P. 79–86.

Smorgunova E. M. (2008) Spiritual mother Galina // Russian Old Believers: language, culture, history. Collection of articles for XIV International Conference of Slavists. Moscow. P. 359–365.

ABOUT THE AUTHOR

Chernykh A. V. orcid.org/0000-0002-7670-3912

E-mail: atschernych@yandex.ru

Corresponding Member, Russian Academy of Science,
Doctor of Historical Science, Team leader of ethnological research
of Historical, Archeological, and Ethnographical Department
Perm Federal Research Center of Ural Department of Russian Academy of Sciences
13a, Lenin street, Perm, 614990, Russian Federation
